

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 66-О12-42сп

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

5 июня 2012 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Червоткина А.С.,

судей Глазуновой Л.И., Ермолаевой Т.А.

при секретаре Ереминой Ю.В.

рассмотрела в судебном заседании дело по кассационному представлению государственного обвинителя Степановой Т.И. на приговор Иркутского областного суда от 27 февраля 2012 года, которым

Каретников А. [REDACTED] И [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED] несудимый

оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст.290 ч.4 п. «г» УК РФ в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за неустановлением события преступления.

За ним признано право на реабилитацию.

Заслушав доклад судьи Глазуновой Л.И., выступление прокурора Кузнецова С.В., поддержавшего доводы кассационного представления и просившего отменить приговор по изложенным в нём основаниям, возражения

адвоката Дорохина А.М., просившего приговор оставить без изменения, судебная коллегия

установила:

органами предварительного расследования Каретникову А.И. было предъявлено обвинение в получении взятки в крупном размере.

Согласно предъявленному обвинению преступление совершено при следующих обстоятельствах.

Каретников А.И., являясь начальником колонии-поселения [REDACTED] федерального бюджетного учреждения «Объединение исправительных колоний [REDACTED] Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по [REDACTED] области», постоянно осуществляющий функции представителя власти, имеющий специальное звание - капитан внутренней службы, 6 ноября 2009 г. получил взятку в виде имущества - автомобиля [REDACTED] [REDACTED] года выпуска от С [REDACTED] за подписание и направление в суд представления об отсрочке отбывания ей наказания до достижения ребенком 14 летнего возраста.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей от 22 февраля 2012 года признано недоказанным событие преступления. На основании данного вердикта судом постановлен оправдательный приговор.

В кассационном представлении и дополнениях к нему государственный обвинитель Степанова Т.И. просит приговор отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение.

Она указывает, что в ходе судебного разбирательства судья, под председательством которого рассматривалось дело, неоднократно снимал вопросы прокурора, задаваемые свидетелям, без указания причин, что могло негативно отразиться на мнении присяжных заседателей в отношении государственного обвинителя, кроме того было ограничено право прокурора на представление доказательств.

Прокурор указывает, что в нарушение требований ст.336 УПК РФ адвокат в прениях сторон обвинил свидетелей С [REDACTED] [REDACTED] и М [REDACTED] в совершении преступления, в присутствии присяжных заседателей утверждал, что такие дела носят заказной характер, разъяснял им понятия получения и дачи взятки.

Считает, что вопросный лист составлен в непонятных и противоречивых формулировках, фактические обстоятельства, изложенные в нём, не соответствуют предъявленному обвинению. О неясности поставленных вопросов, как полагает прокурор, свидетельствует тот факт, что присяжные

заседатели неоднократно обращались к председательствующему за разъяснением по вопросному листу.

В обоснование незаконности приговора государственный обвинитель указывает, что при формировании коллегии присяжных заседателей были нарушены положения ст.328 УПК РФ, кандидат в присяжные заседатели М [REDACTED] вошедшая в состав коллегии, не сообщила о том, что её муж в 1997 году привлекался к уголовной ответственности.

Обращает внимание на иные нарушения уголовно-процессуального закона в стадии судебного разбирательства: сторона защиты была лишена права выступить с вступительным заявлением, в присутствии присяжных заседателей была исследована справка о болезни подсудимого, в ходе допроса свидетелей выяснялись обстоятельства, не относящиеся к предъявленному обвинению, исследовались негативные данные о личности свидетелей, при допросе свидетеля стороны обвинения право первой задавать вопросы было предоставлено стороне защиты, в прениях сторона защиты ссылалась на неисследованные доказательства, искажала показания свидетелей.

По мнению прокурора, с несоблюдением положений ст.340 УПК РФ было составлено напутственное слово, в нём, напоминая присяжным заседателям доказательства обвинения, судья дал им оценку и сделал свой вывод, при этом сообщил данные, о которых свидетели не упоминали.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационного представления, судебная коллегия приходит к выводу, что приговор является законным и обоснованным.

В соответствии со ст.385 ч.2 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора, либо жалобе потерпевшего или его представителя лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его представителя на представление доказательств, либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Таких нарушений уголовно-процессуального закона при рассмотрении настоящего уголовного дела судом допущено не было.

Судебное следствие проведено с учётом требований уголовно-процессуального закона, определяющих его особенности в суде присяжных.

В судебном заседании были созданы необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

В присутствии присяжных заседателей исследовались только фактические обстоятельства, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст.334 УПК РФ.

Председательствующим по делу судьёй исключалось какое-либо воздействие на коллегия присяжных заседателей.

Имевшие место попытки кого-либо из участников судебного разбирательства довести до сведения присяжных заседателей сведения, не подлежащие исследованию в их присутствии, председательствующим судьёй своевременно пресекались, а присяжным заседателям давалось разъяснение о том, что они не должны принимать во внимание такую информацию при вынесении вердикта.

Кроме того, судебная коллегия не рассматривает их как основание к отмене приговора, поскольку такое нарушение не ограничило права стороны обвинения по представлению доказательств, и не повлияло на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Что же касается доводов кассационного представления, то они не основаны на фактических данных и законе.

Как следует из протокола судебного заседания, председательствующий обоснованно снимал вопросы прокурора, заданные свидетелям, правомерно прерывал его в прениях.

Прежде всего следует отметить, что вопрос о том, получали ли М [] от Каретникова А.И. деньги за машину или нет, неоднократно выяснялся сторонами в процессе допроса свидетелей.

На вопрос государственного обвинителя С [] пояснила, что М [] сообщил ей о необходимости выплаты денег за машину, так как Каретников А.И. не отдал ему деньги за неё (т.5 л.д. 78).

Далее она же сообщила, что она выплачивает М [] деньги за машину, но ещё не полностью рассчиталась (т.5 л.д. 79).

Затем государственный обвинитель вновь пытается выяснить у свидетеля о том, известно ли ей о получении М [] денег за автомобиль.

Председательствующий обоснованно снял данный вопрос, так как ранее подобный вопрос был задан и на него был получен ответ (т.5 л.д. 81).

Данное обстоятельство свидетельствует об искажении государственным обвинителем при написании кассационного представления фактических обстоятельств дела.

Не соответствует действительности утверждение государственного обвинителя о том, что без разъяснения причин судом был снят вопрос прокурора подсудимому Каретникову А.И. в части передачи денег М [REDACTED] что повлекло ограничение права прокурора на представление доказательств.

В ходе судебного разбирательства такой вопрос подсудимому Каретникову А.И. прокурором Степановой Т.И. не задавался, что следует из протокола судебного заседания (т.5 л.д. 111).

В действительности вопрос подсудимому ею был поставлен следующего содержания «сегодня допрашивали свидетеля М [REDACTED], почему Вы не задали ни одного вопроса по поводу передачи денег?».

Поставленный вопрос подсудимому в такой форме обоснованно был снят председательствующим без разъяснения причин.

Задавать вопросы конкретным лицам, допрашиваемым в суде, или же воздержаться от этого, если да, то в какой форме – это право подсудимого, и сторона обвинения не вправе выяснять у подсудимого, почему он не выяснял определённые обстоятельства ранее при допросе свидетеля М [REDACTED]

В приведённых выше случаях председательствующий никоим образом не ограничил государственного обвинителя в праве на представление соответствующей информации на суд присяжных заседателей.

Обоснованно был снят вопрос государственного обвинителя подсудимому о том, как он считает, является ли он должностным лицом.

Данный вопрос, исходя из положений ст.334 УПК РФ, не относится к фактическим обстоятельствам дела и не находится в компетенции присяжных заседателей. Это правовой вопрос.

Судебные прения проведены в соответствии со ст.335-336 УПК РФ.

В ходе судебных прений председательствующий на законных основаниях прервал речь государственного обвинителя, так как в нарушение требований ст.336 УПК РФ Степанова Т.И., выходя за рамки предъявленного обвинения, сообщила присяжным заседателям о вымогательстве Каретниковым А.И. взятки, она сослалась на показания свидетеля К [REDACTED] данные в ходе предварительного следствия, которые не были исследованы в суде.

Впоследствии её речь была прервана, так как она пыталась расставить акценты на отрицательных чертах личности свидетеля С [] (т.5 л.д. 116, 117, 123 и 124).

Необоснованным является утверждение государственного обвинителя о нарушении в ходе судебных прений защитником положений ст.336 УПК РФ.

В прениях адвокат Дорохин А.М. заявил, что «С [] и М [] проходят по делу в качестве свидетелей. Кто из них был в роли взяткодателя? Если судить по обвинительному заключению, роль взяткодателя отведена С [] но непосредственно она в передаче взятки не участвовала, не обозначены и какие-либо посредники».

После озвучивания данной информации председательствующий прервал речь защитника и обратился к присяжным заседателям с соответствующими разъяснениями о непринятии во внимание ими данного сообщения при вынесении вердикта.

Вместе с тем судебная коллегия не может согласиться с подобным подходом к разрешённому выше вопросу.

В действиях защитника нет никаких нарушений норм уголовно-процессуального закона. Фактическая сторона предъявленного обвинения сводится к тому, что Каретников А.И., являясь начальником колонии-поселения, за совершение определённых действий в отношении осуждённой С [] предварительно договорившись с ней о получении от неё взятки в размере [] рублей, получил от М [] (сестра С []) в качестве эквивалента оговорённой суммы автомобиль [] стоимостью [] рублей. После этого Каретников А.И. совершил соответствующие действия в интересах С [] [] которая и договорилась с М [] по поводу передачи ему автомобиля.

При таких обстоятельствах защитник вправе был ссылаться на совершение указанными лицами конкретных действий, связанных с предметом взятки и условиями её передачи. Иные лица по обвинительному заключению не проходят.

Ограничение в данном случае защитника есть свидетельство соответствующего понимания определёнными участниками процесса соблюдения права на защиту с учётом особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

В данном случае защитник не обвинял С [] [] и М [] в совершении какого-либо преступления, так как им ничего

не вменено. Он излагал лишь фактические обстоятельства дела. Использование юридической терминологии не меняет существо дела.

Не могло повлиять на мнение присяжных заседателей при постановлении оправдательного вердикта, в отличие от позиции автора кассационного представления, то обстоятельство, что в судебных прениях защитник «ссылался на нормы УПК РФ, разъяснял присяжным заседателям, что следует понимать под получением и дачей взятки».

Действительно, как следует из протокола судебного заседания (т.5 л.д. 129-130), защитник в присутствии присяжных заседателей озвучил положения ст.14 УПК РФ и рассказал о том, что необходимо понимать под получением взятки и дачей её. Однако это не является нарушением какого-либо уголовно-процессуального закона, а тем более в том его понимании, как он сконструирован в ст.385 УПК РФ.

В судебном заседании защитник обратился к присяжным заседателям с призывом о том, чтобы при вынесении вердикта они «...не отнеслись к этому формально, спасая честь чьего-либо мундира, а основывались, прежде всего, на своей совести», «...достаточно часто суд присяжных заседателей по этой категории дел применяется, избирается, поскольку часто такого рода дела имеют заказной характер, и это фактически единственный шанс для подсудимого».

После последнего высказывания председательствующий обратился к присяжным заседателям с просьбой, чтобы они не принимали во внимание озвученную информацию, как не имеющую отношения к конкретному уголовному делу.

Первоначальное же высказывание защитника есть не что иное, как призыв к присяжным заседателям вынести своё решение на основании только исследованных доказательств, абстрагируясь от обстоятельств иного рода.

Изложенные в кассационном представлении доводы представляют собой набор различных обстоятельств без соответствующей оценки их с позиции требований конкретных норм уголовно-процессуального закона, не увязывая их с положениями ч.2 ст.385 УПК РФ, в которой речь идёт о возможности отмены оправдательного приговора при наличии таких нарушений закона, которые повлияли, в том числе, на мнение присяжных заседателей.

Таких нарушений норм уголовно-процессуального закона в кассационном представлении не приведено. Его автор, ссылаясь на определённые обстоятельства, полагая, что нарушен соответствующий закон, ведёт речь о том, что изложенные им доводы «могли повлиять на беспристрастность присяжных заседателей и формирование мнения по делу».

Подобное суждение приемлемо не к суду присяжных заседателей, а при рассмотрении дела в иной форме судопроизводства (ч.1 ст.381 УПК РФ), ч.2 ст.385 УПК РФ не предусматривает возможности влияния каких-либо обстоятельств на вынесение вердикта.

Несостоятельным является довод кассационного представления о том, что при составлении вопросного листа нарушены требования ст.339 УПК РФ. Он составлен в понятных и непротиворечивых формулировках, обстоятельства изложены в соответствии с предъявленным обвинением. Указание в 1 основном вопросе на сотрудника колонии-поселения [] (без указания конкретного лица) не является нарушением ст.339 УПК РФ.

Ссылка в этом вопросе на то обстоятельство, что некий сотрудник колонии получил от С [] [] автомобиль, не противоречит предъявленному обвинению. Подсудимый договаривался, как указано в предъявленном обвинении, о получении взятки от С [] за совершение определённых действий, автомобиль вместо денег он получил от С [] которая договорилась с М [] о его передаче. При этом М [] не была осведомлена о планах С [] М [] выступала лишь «в роли передаточного звена».

При обсуждении вопросного листа государственный обвинитель не делал каких-либо замечаний, не просил о внесении изменений в сформулированные вопросы либо о постановке дополнительных вопросов, он возражал против представленных стороной защиты замечаний, настаивая на предложенном варианте вопросного листа (т.5 л.д. 132-133).

По просьбе старшины присяжных заседателей председательствующий давал разъяснения о правилах заполнения вопросного листа и по поводу порядка совещания присяжных заседателей, а не по формулировкам, изложенным в вопросном листе, как утверждает государственный обвинитель (т.5 л.д. 135-136).

При формировании коллегии присяжных заседателей ч.3 ст.328 УПК РФ не нарушена.

Кандидат в присяжные заседатели М [] не скрывала какую-либо информацию при формировании коллегии присяжных заседателей. Она действительно не сообщила на поставленный вопрос о привлечении в 1997 году её мужа к уголовной ответственности (дело было прекращено).

Однако, как следует из её объяснения, находящегося в деле, она не владела этой информацией. Автор кассационного представления не привёл достаточные убедительные данные о том, что М [] [] знала о привлечении её мужа к уголовной ответственности. Сам факт нахождения лиц в

браке не являются достаточным основанием полагать, что жена владеет полной информацией относительно деятельности своего мужа.

Данный немотивированный довод государственного обвинителя не имеет правового значения при решении вопроса о законности, обоснованности и справедливости оправдательного приговора.

Положения ст. 334 и 335 УПК РФ судом тоже соблюдены.

Справка о болезни подсудимого была исследована в судебном заседании 25 января 2012 года в отсутствие присяжных заседателей (т.5 л.д. 60-61). Но даже при условии исследования такой справки в присутствии присяжных заседателей данное обстоятельство не следует расценивать как нарушение положений ст.334 и 335 УПК РФ. 25 января 2012 года присяжные заседатели, как им было указано, явились в судебное заседание, но подсудимый не явился в суд ввиду болезни, в связи с чем был объявлен перерыв до 2 февраля 2012 года. Присяжные заседатели должны знать о причине довольно длительного перерыва, то есть справка исследуется в этих целях, а не с той целью, чтобы, в конечном итоге, таким образом повлиять на мнение присяжных заседателей при вынесении вердикта.

Информация, озвученная свидетелями М [] И [] и С [] при их допросе в присутствии присяжных заседателей (на неё имеется ссылка в дополнениях к кассационному представлению), не находится за пределами предъявленного обвинения, на её озвучивании в присутствии присяжных заседателей нет запрета в ст.334 и 335 УПК РФ, она не повлияла на мнение присяжных заседателей.

Субъективное восприятие подобной информации государственным обвинителем не согласуется с требованиями уголовно-процессуального закона. Тем более, необходимо учитывать основания оправдания. Каретников А.И. оправдан за отсутствием события преступления.

В ходе судебного разбирательства были озвучены сведения, которые, как считает государственный обвинитель, следует расценивать как характеристику личности конкретного свидетеля (речь идёт о С [] и её родственниках М []), однако в кассационном представлении не конкретизировано, какие сведения следует расценивать, как характеристику личности того или иного свидетеля. В то же время из протокола судебного заседания (т.4 л.д.191-192, т. 5 л.д. 29, 34-35, 38-39, 49, 51,54, 60,68,76,85-86,94,98,101-102) усматривается, что, учитывая специфику и особенности рассматриваемого дела, состав участников возникших уголовно-правовых отношений – начальник колонии, осуждённая, её родственники, в определённых моментах нельзя избежать доведения до присяжных заседателей

соответствующей информации, так как она непосредственно связана с предъявленным подсудимому обвинением.

Тем не менее председательствующий постоянно разъяснял присяжным заседателям о том, что озвученную о том или ином участнике процесса информацию необходимо воспринимать не как характеристику их личности, а как фактические обстоятельства дела.

При допросе К [REDACTED] государственный обвинитель Степанова Т.И. не была ограничена в своих правах. Она отказалась от допроса данного свидетеля. Впоследствии данный свидетель явился в суд по инициативе стороны защиты.

Вначале К [REDACTED] [REDACTED] допросил защитник, а потом – государственный обвинитель, что свидетельствует о равноправии сторон процесса. Очередность допроса никак нельзя связать с вынесением оправдательного вердикта.

После произнесения государственным обвинителем вступительного заявления подсудимый Каретников А.И. заявил, что он не согласен с обвинением, вину не признаёт, более подробно изложит свою позицию в ходе собственного допроса (т.5 л.д. 21-22), то есть вступительное слово защитника, как указано в ч.3 ст.335 УПК РФ, отсутствует. Однако необходимо учитывать, что оно в его истинном смысле было произнесено самим подсудимым.

Ссылка в кассационном представлении на то, что в прениях адвокат искажал показания некоторых свидетелей, допрошенных в суде, а также на показания, не исследованные в суде, не является основанием для отмены приговора. В своей речи адвокат не приводил сущность их показаний. Он озвучил фамилии некоторых свидетелей как источник доказательств, представленных стороной обвинения, не раскрывая их содержание.

Напутственное слово соответствует требованиям ст.340 УПК РФ.

Возражений в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности сторонами заявлено не было.

В репликах государственный обвинитель Степанова Т.И., а равно после произнесения напутственного слова, не делала никаких замечаний и возражений, она была согласна со всем.

Действия председательствующего при рассмотрении уголовного дела соответствовали требованиям закона. Приговор отмене не подлежит.

Руководствуясь ст.ст. 377, 378 и 388 УПК РФ, судебная коллегия

определила:

приговор Иркутского областного суда от 27 февраля 2012 года в отношении Каретникова А. [REDACTED] И [REDACTED] оставить без изменения, а кассационное представление – без удовлетворения

Председательствующий [REDACTED]

Судьи [REDACTED]